

**Виктор Дмитриевич Кудрявцев-
Платонов**

Сочинения

Том II. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В43

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов
Сочинения: Том II. Выпуск 1 / Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 356 с.

ISBN 978-5-458-04926-9

Посмертное издание сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мировоззрения и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и национальной психологии.

ISBN 978-5-458-04926-9

© Издание на русском языке, оформление

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию» 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОЧИНЕНИЯ В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
1. Объ источникѣ идеи Божества.	1— 34
2. О промыслѣ.	35— 79
3. Рѣчъ на диспутѣ, предъ защитою диссертациі на степень доктора богословія: «Религія, ея сущность и происхожденіе».	80— 87
4. Религія, ея сущность и происхожденіе.	88—315
I. Критика атеистическихъ понятій о сущности и происхожденіи религіи. 92—109. Теорія Фейербаха. 109—131.—	
II. Критика деистическихъ и пантеистическихъ воззрѣній на тотъ же предметъ. 132—134.— 1. Ученіе о религії до Кантовскихъ раціоналистовъ. 134—149.— 2. Ученіе о религії Канта. 149—196.— 3. Ученіе о религії Якоби. 196—216.—	
4. Ученіе о религії Шлейермахера. 216—245.—5. Ученіе о религії Гегеля. 245—269. Мнѣнія—Фриза, Фихте, Шеллинга, и другихъ; мнѣнія новѣйшихъ богослововъ, Шенкеля и др. 269—278. III. Выводы изъ критическаго разсмотрѣнія различныхъ мнѣній о сущности и происхожденіи религіи. Теистическое возврѣніе на этотъ предметъ. 279—280.—1. Объективный источникъ религіи. 281—297.—2. Субъективный источникъ религіи. 297—315.	
5. Тезисы сочиненія: «Религія, ея сущность и происхожденіе»	316—319
6. Религія и позитивная философія	320—350

ОБЪ ИСТОЧНИКѢ ИДЕИ БОЖЕСТВА *).

Въ ряду не происходящихъ изъ виѣшняго опыта и отъ разсудочнаго отвлеченія представлений нашего ума, называемыхъ идеями, идея о Богѣ занимаетъ первое мѣсто, какъ по той существенной связи, какую она имѣетъ съ другими идеями, служа ихъ кореннымъ началомъ, такъ и по вліянію на весь умственный и нравственный строй человѣческой жизни. Поэтому первая задача метафизического ученія объ идеяхъ, рѣшить вопросъ: истинна ли эта идея? Иначе—соответствуетъ ли ей реальный предметъ?

Отвѣтъ па этотъ вопросъ, въ свою очередь, состоитъ въ неразрывной связи съ рѣшеніемъ вопроса о ея происхожденіи въ нашемъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначальный источникъ идеи Божества скрывается или въ произволѣ творческой фантазіи, или въ какихъ либо субъективныхъ ощущеніяхъ и побужденіяхъ человѣка, напримѣръ въ чувствѣ страха предъ грозными явленіями природы, въ желаніи сообщить большую силу предписаніямъ нравственности посредствомъ искусстваго вымысла и тому под., то очевидно она не можетъ имѣть никакого реального значенія сама въ себѣ. Если же окажется напротивъ, что эта идея есть коренная принадлежность человѣческаго духа, что она не могла явиться въ насы иначе, какъ въ слѣдствіе дѣйствія на нашъ духъ соотвѣтствующаго ей Высочайшаго Существа,—то истина ея будетъ несомнѣнна.

*) Эта статья была напечатана на стран. 31—78 „Сборника, изданного Московскою Духовною Академію по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія.“ Москва, 1864. и въ „Приб. къ Твор. св. Отц.“ за 1864 г. ч. XXIII, стр. 363—410.

Кромъ общаго философскаго значенія вопросъ объ источникоѣ идеи Божества получаетъ особенную важность и потому еще, что материалистическая философія нашего времени, не ограничивалась вытекающимъ изъ самого существа ея отверженiemъ реальности идеи Божества, старается указать самый процессъ образованія и развитія этой идеи въ родѣ человѣческомъ. Въ различныхъ гипотезахъ о происхожденіи религіи, которыя находятъ отзвукъ и въ нашей литературѣ, она также старается указать на различные мнимые и случайные источники религіозной идеи, — источники, свойство которыхъ само собою уничтожаетъ всякую мысль объ ея истинѣ. — Все это указываетъ не только на важное значеніе изслѣдованія о дѣйствительномъ источникоѣ идеи Божества въ современной философіи, но и на лучшій, по нашему мнѣнію, методъ этого изслѣдованія. Имѣя въ виду различныя мнѣнія о происхожденіи религіозной идеи, этотъ методъ долженъ быть діалектико-критической. Путемъ возможно полнаго разбора всѣхъ предположеній о происхожденіи сей идеи, мы должны идти къ отысканію единствено-истиннаго понятія объ ея источникоѣ.

Прежде всего представляются нашему вниманію тѣ атеистическія гипотезы происхожденія идеи Божества, которыя, отвергая ся объективность и истину, объясняютъ ея возникновеніе въ родѣ человѣческомъ изъ причинъ случайныхъ, *внѣшнихъ*.

Такъ еще нѣкоторыми софистами было высказано, а философами-энциклопедистами XVIII-го столѣтія возобновлено мнѣніе, что идея Божества есть не что иное, какъ вымыселъ лицъ, которымъ казалось выгоднымъ для себя или полезнымъ для другихъ заставить людей вѣрить въ Бога. Такими лицами выставляются то жрецы, то мудрецы и законодатели. Побужденіе къ вымыслу находятъ то въ эгоистическомъ желаніи получить большую силу и влияніе въ обществѣ, то въ болѣе чистомъ намѣреніи поддержать нравственность людей умнымъ вымысломъ. Такъ какъ законодатели и мудрецы могли, говорятъ, предвидѣть, что ни уваженіе къ ихъ личности послѣ ихъ смерти, ни буква ихъ законовъ, ни внѣшнія принудительныя средства общественной власти недостаточны сами по себѣ внушить уваженіе къ законамъ: то они выдумали для охраненія законовъ безсмертныхъ стражей, — боговъ, которые

могли бы слѣдить не только за явными преступленіями, но и за самою совѣстью, которые бы имѣли силу видѣть и наказывать то, чего не видитъ общественная власть, и страхъ которыхъ преслѣдовалъ бы человѣка и тамъ, куда не достигаютъ взоры закона.

Единственное основаніе, выставляемое въ защиту подобнаго мнѣнія, есть нѣкоторая историческая указанія на тѣсную связь религіи съ общественною властью и законодательствомъ въ древнѣйшія времена. Указываютъ напр. на то явленіе, что въ древнѣйшую эпоху господствующая форма правленія была осократическая, и что при этой формѣ правленія жрецы имѣли существенный интересъ въ учрежденіи и поддержаніи религіи. Указываютъ далѣе на то, что древніе законодатели и мудрецы употребляли религію какъ средство внушить уваженіе къ законамъ, ссылаясь на божественное откровеніе, напр. Зороастръ, Миносъ, Нума Помпилій и пр.

Не трудно замѣтить, что эти факты указываютъ только на *связь* религіи съ общественною властью въ древнія времена, а никакъ не на *происхожденіе* ея, такъ что, если бы даже религія явилась одновременно съ жрецами и законодателями, то и отсюда никакъ не слѣдовало бы, что послѣдніе были виновниками первой. По въ дѣйствительности исторія показываетъ, напротивъ, что религія гораздо древнѣе ся мнимыхъ изобрѣтателей,—жрецовъ и законодателей. Въ первобытномъ патріархальномъ состояніи всѣхъ племенъ, мы находимъ еще религію безъ жрецовъ. Главы семействъ исполняютъ религіозныя обязанности, которыхъ потомъ уже переходятъ къ отдельному сословію жрецовъ; такъ напримѣръ было у евреевъ, грековъ, римлянъ. И въ настоящее время мы находимъ нѣкоторая племена безъ жрецовъ, по не безъ религіозныхъ понятій. Что же касается до осократической формы правленія, будто бы общей всѣмъ народамъ древности и условливавшей утвержденіе религіозныхъ вѣрованій, то исторія показываетъ, что эта форма была далеко не всеобщю и первоначальною; у нѣкоторыхъ народовъ (Китай, Римъ, Греція) ся не было, а гдѣ она и была, тамъ зависѣла отъ особенностей *предшествующей* религіозной жизни и ея силы. Какъ религія предшествовала жрецамъ, также точно предшествовала она и законодателямъ. Послѣдніе являются

ся въ древности въ столь тѣсномъ отношеніи къ религіи потому, что религія имѣла въ то время особую силу; такъ какъ религіозныя вѣрованія были уже существенно соединены съ общественнымъ бытомъ племенъ, то и законодатели не могли не воспользоваться ея вліяніемъ для утвержденія своихъ постановленій. Далѣе гипотеза, нами разсматриваемая, совершенно противорѣчить тѣмъ обстоятельствамъ времени и мѣста, какія представляются условіями возникновенія и распространенія религіи. Говорятъ: религіозная идея впервые возникла и утвердилась въ то время, когда люди были еще очень неразвиты и неразсудительны, когда всякая выдумка лица, заслужившаго уваженіе, принималась на вѣру. Но именно эта-то предполагаемая неразвитость и препятствовала бы распространенію религіозной идеи, если бы она была не больше какъ вымысломъ. Чѣмъ умственно неразвитѣе и не-посредственнѣе человѣкъ, тѣмъ съ болѣшимъ трудомъ онъ вѣрить существованію того, чѣмъ не можетъ быть ему наглядно, эмпирически указано. Если же въ немъ есть способность вѣрить въ нечто вышечувственное, то конечно эта вѣра не можетъ быть внушена ему отвнѣ, но происходить отъ болѣе глубокаго источника, заключающагося въ немъ самому. Безъ этой внутренней потребности вѣрить въ невидимое и нечувственное, чѣмъ больше человѣкъ былъ бы неразвитъ, тѣмъ меньше могъ бы повѣрить какой либо выдумкѣ предмета недоступнаго его чувствамъ. Что касается до нравственного характера предполагаемаго вымысла, то онъ скорѣе служилъ бы препятствиемъ, чѣмъ побужденіемъ, принять его на вѣру. Человѣкъ бываетъ иногда легковѣренъ и падокъ на выдумки, но только тогда, когда эти выдумки льстятъ его наклонностямъ, оправдываютъ его порочныя стремленія. Но не легко человѣкъ чувственный повѣрить такому вымыслу, который будетъ лежать тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ, будетъ ограничивать его чувственныя влеченія запретомъ и угрозою наказанія не только въ жизни, но и по смерти. Люди простые, руководящіеся въ жизни одною видѣністю и чувственностью (какими представляеть ихъ разсматриваемая гипотеза въ эпоху изобрѣтенія религіи), едвали бы стали бояться какого-то невидимаго существа больше, чѣмъ внѣшнихъ наказаній. Если и теперь въ большей части случаевъ бы-

ваетъ такъ, что страхъ общественаго мнѣнія и законовъ болѣе обязываетъ къ нравственности, чѣмъ мысль о невидимомъ Законодателѣ и загробномъ судѣ, то это еще больше должно бы имѣть мѣста въ ту воображаемую эпоху, когда о высшихъ требованіяхъ нравственности по совершенному отсутствію религіозныхъ понятій не могло быть и рѣчи. Невозможно поверить, что въ ту эпоху господства чувственныхъ представлений и эгоистическихъ стремлений удалось кому либодѣй посредствомъ хитрой выдумки склонить народъ къ признанію бытія Божія и къ исполненію обязанностей налагаемыхъ религіею.

Наконецъ гипотеза происхожденія идеи Божества, нами разсматриваемая, представляетъ внутреннѣе противорѣчіе и несообразность. Именно, она не объясняетъ того, что имѣеть въ виду объяснить, — *первоначальнаго* происхожденія этой идеи. Религіозныя понятія, по ся мнѣнію, распространились отъ жрецовъ, мудрецовъ, законодателей: по откуда же въ нихъ самихъ могли возникнуть эти понятія? Какой процессъ размышлений могъ привести ихъ самихъ къ представлению Существа сверхчувственного, о которомъ чѣмъ виѣшнее не могло дать имъ понятія? Указываютъ на самолюбіе, властолюбіе и подобныя личныя побужденія, какъ на причины такого вымысла. Но подобныя побужденія могли быть только неопределѣленными побужденіями *вымыслить*, по не дать готовыхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая дотолѣ область понятій и представлений. Психологія говоритъ намъ, что для составленія самого фантастического представлія нужны элементы, заимствованные изъ данныхъ, реальныхъ впечатлѣній, что самая смѣлая фантазія не творитъ изъ ничего, но преобразуетъ элементы действительныхъ представлений. Но мыслящіе изобрѣтатели религіозной идеи, въ окружающемъ ихъ чувственномъ мірѣ, не имѣли ничего, что бы могло имъ дать понятіе о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ Существѣ; очевидно, такое понятіе не могло принадлежать къ числу произвольно создаваемыхъ представлений.

Сознавая недостаточность однихъ внѣшнихъ причинъ для объясненія происхожденія религіозной идеи, некоторые мыслители ищутъ въ самой душѣ человѣческой субъективныхъ

побужденій къ ея образованію. Такимъ побужденіемъ уже древніе материалисты полагали страхъ первобытнаго человѣка предъ грозными явленіями природы: *timor primos fecit Deos*, говорилъ Лукрецій. И въ наше время также нерѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что „астральныя и метеорологическія явленія, сильнѣе дѣйствовавшія на первобытное человѣчество, возбудили въ немъ то чувство ужаса и благоговѣнія, которое повело къ созданію религіи“ *).

Нельзя не замѣтить и съ первого взгляда, что въ этой гипотезѣ, между principioю производящую религіозную идею — грозными явленіями природы, и между ея дѣйствиемъ — религіею, пѣть никакой логической связи. Что грозныя явленія природы возбуждаютъ въ человѣкѣ страхъ, это правда; но какимъ образомъ здѣсь къ страху присоединяется и *благоговѣніе*, то есть религіозное отношеніе къ предмету страха, рѣшительно необъяснимо. Страхъ предъ грозными явленіями природы чувствуютъ и животныя и еще сильнѣе, чѣмъ человѣкѣ; но отчего страхъ не переходитъ у нихъ въ благоговѣніе, въ религію? Страхъ и теперь чувствуетъ человѣкѣ при многихъ необычайныхъ явленіяхъ природы, при встрѣчѣ съ опасными предметами, но ни предъ однимъ изъ нихъ онъ не чувствуетъ благоговѣнія, не испытываетъ религіознаго чувства. Очевидно благоговѣніе и страхъ — понятія далеко не тожественные.

Конечно защитники разматриваемой нами гипотезы имѣли въ виду то явленіе, что у пѣкоторыхъ неразвитыхъ племенъ религіозное чувство преимущественно выражается въ видѣ страха предъ существами, почитаемыми за боговъ, и что эти существа представляются въ чертахъ грозныхъ, заимствованныхъ изъ грозныхъ явленій природы. Но съ одной стороны, такое выраженіе религіознаго чувства есть явленіе далеко не всеобщее у неразвитыхъ племенъ, а у тѣхъ, у которыхъ дѣйствительно замѣчается, оно есть выраженіе не первопачальной, а искаженной уже формы религіи, также точно, какъ и состояніе дикарей не есть выраженіе первобытнаго состоянія рода человѣческаго. Съ другой, чувство религіознаго страха не есть явленіе однородное съ ощущеніемъ

*) Энциклоп. словарь 1861, т. IV. Амулетъ,

обыкновенного страха предъ грозными феноменами природы и не можетъ происходить отъ нихъ. Въ страхѣ религіозномъ выражается сознаніе высшей, невидимой силы, управляющей явленіями природы; въ обыкновенномъ страхѣ нѣтъ ничего, кромѣ инстинктивнаго сознанія личной опасности. Поэтому религіозный страхъ чувствуется не предъ явленіями природы, какъ таковыми (бурею, солнечнымъ затменіемъ, громомъ и пр.), но предъ высшимъ ихъ Существомъ, дѣйствіями кото-раго онъ почитаются. Откуда же теперь это новое понятіе *Существа*, производящаго явленія природы и властующаго надъ ними? Откуда это понятіе, измѣняющее страхъ въ благоговѣніе и служащее основою, хотя очень несовершенного, но тѣмъ не менѣе отличного отъ простаго ощущенія физическаго страха, религіознаго чувства? Явленія природы сами по себѣ, какъ бы онъ грозны ни были, не могли бы образовать въ душѣ человѣка этого понятія, если бы въ немъ уже предварительно не находилось побужденія къ образованію его. Если въ человѣкѣ уже есть хотя темная идея о Существѣ высочайшемъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ онъ, то очень можетъ быть, что при неразвитости ума и нравственнаго чувства, пораженный грозными явленіями природы и ея силами, онъ къ этимъ именно явленіямъ и силамъ отнесеть то понятіе о бытіи высочайшемъ, которое находится въ его умѣ. Но если бы въ немъ не было никакого ощущенія бытія высшей его невидимой Силы, если бы не было по крайней мѣрѣ никакого побужденія искать ея въ природѣ, то никакія самыя поразительныя „астральныя и метеорологическія явле-нія“ ея не могли бы вызвать понятія о Богѣ въ умѣ его. Страхъ остался бы обыкновеннымъ страхомъ, произвелъ бы, пожалуй, сознаніе беспомощности и зависимости отъ природы, но не вызвалъ бы представлениія о Существѣ, управляющемъ явленіями природы.

Не говоримъ уже о томъ, что рассматриваемая гипотеза происхожденія религіозной идеи, если и можетъ имѣть подобіе вѣроятности, то только въ приложении къ вѣрованіямъ или очень дикихъ племенъ, или очень еще не развитаго состоянія общества. Всеобщность религіи, ея существование во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, рѣшительно необъяснимы съ точки зренія этой теоріи и служатъ окончательнымъ опро-

верженiemъ ея. Пусть, какъ говоритъ Лукрецій и какъ думаютъ его новѣйшie послѣдователи, страхъ произвелъ первыхъ боговъ; что же поддерживало религію въ послѣдствiи, когда этотъ дѣтскій страхъ разсъялся? Какимъ образомъ заблужденіе неразвитости и беспомощности первыхъ людей распространялось повсюду и удержалось павсегда, когда съ развитиемъ наукъ, искусствъ, общественной жизни, изчезло чувство боязливаго страха предъ явленіями природы? Еслибы чувство страха повело къ созданiю религіи, то это созданiе давно бы рушилось, не оставивъ послѣ себя и слѣда.

Новѣйшій материализмъ, не довольствуясь прежними антирелигіозными попытками объяснить происхожденiе религіозной идеи, ищетъ нового объясненiя — въ присущемъ человѣку стремлѣнiи создавать идеалы и въ способности его представлять дѣйствительными не имѣющiя реальности произведенiя фантазiи. Недовольный окружающею его дѣйствительностiю, человѣкъ создаетъ идеалы лучшаго порядка вещей,—идеализируетъ дѣйствительность. Недовольный собою и окружающими его людьми, онъ создаетъ идеалъ совершенiаго человѣка, при помощи фантазiи увиличивая его до необычайныхъ размѣровъ силы и совершенства. Затѣмъ онъ убѣждается въ реальному бытiи этого идеала, относится къ нему, какъ къ дѣйствительному объекту,—словомъ создаетъ представлениe о Богѣ и религiи. Неизбѣжныя, хотя болѣе или менѣе тонкiя по степени образованности людей, антропоморфическая черты въ идеѣ о Богѣ будтобы указываютъ именно на такое ея происхожденiе. Итакъ идея Божества, по мнѣнiю этихъ мыслителей, собственно есть олицетворенный человѣческий идеалъ. Какъ вообще потребность въ идеалахъ является въ слѣдствiе недовольства человѣка окружающими его и въ слѣдствiе его несовершенства, такъ и потребность религіозной идеи есть слѣдствiе несовершенства и порочности людей. Боги — это идеалы людей, изображенiя, каковыми они должны быть, но какими они не суть на самомъ дѣлѣ, — изображенiя, которыя и являются. именно потому и тогда, когда люди не таковы, какими имъ нужно быть*).

Вся эта теорiя держится единственно на спутанности понятiя объ идеалѣ и способности къ идеализации. Конечно въ

*) Теорiя Фейербаха и его школы.